

М.Г. Степанов

Феномен советской историографии в современных исторических исследованиях

Ключевые слова: историография, теория и методология советской исторической науки.

Keywords: soviet historiography, historical science, theoretical and methodological problems.

Основные тенденции в развитии отечественной исторической науки, начиная с 1930-х гг., получили освещение в многочисленных публикациях отечественных историков. На наш взгляд, историографический анализ вышедших работ, в которых затрагиваются проблемы развития отечественной исторической науки, следует начинать с исследований второй половины 1980-х гг., когда в условиях перестройки начинается постепенный пересмотр советских исторических концепций, сформировавшихся к середине 1980-х гг.

В перестроечной историографии отмечались тенденциозный и политизированный подход исследователей к анализу различных «направлений и течений исторической мысли» [7, с. 681], а также «валовый» принцип (по количеству вышедших работ) при оценке результатов научного творчества отечественных историков и состояния исторической науки в целом [2, с. 635]. Были высказаны и сугубо негативные оценки советской историографии, вплоть до трактовки ее как «средства расправы с инакомыслящими, с творческими направлениями в науке», как «своеобразный трибунал, выносящий приговоры честным историкам» [20, с. 252]. Этим, в частности, аргументировалась необходимость новых историографических исследований, в которых была бы представлена «реальная» и «объективная» оценка состояния исторической науки [2, с. 635].

В конце 1980–1990-х гг. появляются работы, авторы которых пытаются охарактеризовать состояние современной историографии с учетом факторов, оказывающих влияние на ее развитие. При этом авторов привлекали отдельные этапы развития советской исторической науки. Характеризуя их, они попытались объяснить «кризисное» состояние отечественной исторической науки. Следует выделить работы А.И. Алаторцевой [4], А.С. Барсенкова [5], Г.А. Герасименко [6], Л.А. Сидоровой [7], А.В. Юдельсона [8; 9], Ю.Н. Афанасьева [10], Н.В. Иллерицкой [11], В.В. Поликарпова [12], в которых были высказаны различные оценки советской историографии.

Статья А.И. Алаторцевой была посвящена изучению «внешних» факторов по отношению к советской исторической науке. В ней представлен анализ общей

атмосферы в партийной и общественно-политической жизни на рубеже конца 1920-х – начала 1930-х гг., в которой происходила реорганизация управления советской исторической наукой. Результатом этой реорганизации стало, по мнению автора, установление жесткого контроля партийного аппарата и лично И.В. Сталина за деятельностью всех ведущих научно-исследовательских институтов и научных печатных изданий. В результате «...Сталин утвердил свою исключительную роль в толковании ленинизма, Октябрьской революции, свое право на монополию в исторической науке» [4, с. 283].

Аналогичный взгляд на проблему у Г.А. Герасименко: «Формирование идеологии и практики сталинизма шло одновременно с приручением историков, приспособлением истории к его нуждам и потребностям» [6, с. 654]. Далее автор продолжает: «Историки оказались в положении людей, которым связали руки: им установили границы познания, ограничили доступ к архивам и поставили их деятельность под строжайший административный контроль. Положение, в которое они попадали, не имело аналогов в прошлом. К концу 1930-х гг. Сталин окончательно подмял советскую историческую науку и поставил ее на службу правящей верхушке» [6, с. 660–662].

Анализируя развитие советской исторической науки в 1930-х – первой половине 1950-х гг., А.Н. Мерцалов заметил следующее: «Сталинизм лишил научной основы историографию и популяризацию исторических знаний, безнравственно манипулировал массовым сознанием... Антинаучная методология, обслуживавшая сиюминутные интересы автократии, заслонила от общества будущее... Сталинизм привел к деградации личности многих ученых. Возник конфликт между тем, что они думали и писали» [13, с. 446–447].

Можно согласиться с точкой зрения О. Волобуева и С. Кулешова о том, что именно «Краткий курс истории ВКП(б)» в известном смысле завершил процесс подгонки революционной истории под стандарт концепции Сталина. Появление данного учебника закрепило схематизацию и субъективистское искажение истории [14, с. 321].

В.А. Савин и Я.Ю. Виноградова в своей статье отметили, что процесс засекречивания архивной информации достигает апогея в 1936 г. – циркуляром Центрального архивного управления СССР и РСФСР запрещалось «выдавать на руки читателям материалы, исходившие от врагов народа: Троцкого и ныне рас-

стрелянных Каменева, Зиновьева и их приспешников». Эти документы и директивы должны были быть засекречены и доступ к ним прекращался [15, с. 21].

Г.А. Бордюгов и В.А. Козлов в работе «История и конъюнктура: субъективные заметки об истории советского общества» (1992) поставили перед историками задачу сохранения своей профессиональной автономии от политической конъюнктуры [16, с. 5]. Кроме того, исследователи пишут, что «личная ответственность Сталина за допущенные во второй половине 1920-х ошибки состояла в том, что он всецело подчинил процесс выработки политических решений борьбе за власть» [16, с. 83].

В 1988 г. была опубликована монография А.С. Барсенкова «Советская историческая наука в послевоенные годы (1945–1955)». Работа вышла в тот момент перестройки, когда в общественном мнении в связи с политикой гласности уже стали доминировать оценки советской историографии как фальсификаторской науки, находившейся длительное время в состоянии полного застоя. С учетом этого книгу Барсенкова можно было рассматривать как вызов этим широко распространенным представлениям. В рецензиях, опубликованных в двух советских ведущих исторических журналах, автор обвинялся в догматизме и «неосновательных претензиях на изучение важной темы» [17; 18]. По нашему мнению, А.С. Барсенкова в значительной степени неправомерно упрекали в том, что он сделал акцент на изучении факторов, которые хотя и влияли на состояние и развитие советской исторической науки, но были внешними по отношению к ней. Так, в исследовании, по мнению критиков, был сделан упор на количественную сторону таких изменений, как расширение сети научных центров, рост исследовательских кадров, расширение проблематики исследований, введение в научный оборот новых источников. Е.Н. Евсеева указывала «на исключительное внимание количественной стороне происходивших процессов» в ущерб анализу «концептуальных основ исторических исследований» [17, с. 117–118].

Несмотря на то, что методологическая основа монографии А.С. Барсенкова – «труды классиков марксизма-ленинизма, документы и материалы КПСС» [5, с. 5], стержневым вопросом у историка стала тема о степени изученности основных проблем истории советского общества, в том числе в 1930-е гг., в советской историографии первого послевоенного десятилетия. Автор отметил изменения в условиях, в которых осуществлялась научная деятельность советских историков, расширение проблематики исследований и их источниковой базы, а также попытки совершенствования методологии исторических исследований. В результате глубокого анализа широкого круга историографических источников автору удалось сделать много верных и не утративших до настоящего

момента своего научного значения наблюдений и выводов. Так, автор отмечает начавшуюся в 1950 г. по инициативе кафедры истории СССР исторического факультета Московского государственного университета и продолжавшуюся до 1954 г. дискуссию о периодизации истории советского общества. Речь шла о попытках историков «отделить» историю советского общества от истории ВКП (б). По справедливому утверждению А.С. Барсенкова, «постановка вопроса о периодизации советского общества свидетельствовала о позитивных сдвигах в его осмыслении» [5, с. 141].

Вместе с тем автор недостаточно четко показал данные позитивные сдвиги, по непонятным причинам так и не решился сказать, что речь идет о начале пересмотра концепции «Краткого курса истории ВКП (б)». Именно этот факт мешает историку в полной мере оценить важность и истинное значение тех сдвигов, которые происходили в 1946–1954 гг. в советской историографии, особенно в изучении предвоенного периода истории советского общества.

А.С. Барсенков преуменьшил значение тех сдвигов в официальной концепции истории советского общества, которые он сам выявил на основе анализа работ некоторых советских обществоведов, опубликованных в рамках рассматриваемого периода. Согласно автору, «обогащение историографии советского общества новыми концептуальными моментами, расширение фактической обоснованности ранее утвердившихся в ней положений были важным фактором, ослаблявшим влияние на историческую науку тех оценок, которые осложняли понимание исторического процесса с марксистско-ленинских позиций». Официальная концепция, с одной стороны, «обогащалась новыми концептуальными положениями», с другой – происходило «расширение фактической обоснованности ранее утвердившихся в ней положений». Речь идет о двух процессах в советской историографии, которые, если следовать логике автора, дополняли друг друга [5, с. 132].

А.С. Барсенков в своей монографии достаточно убедительно показал движение советской исторической науки в переломный период развития советского общества и поставил ряд важных проблем для методологии историографических исследований, в том числе влияние расширения проблематики и источниковой базы исторических исследований на оценку или даже переоценку устоявшихся в историографии концепций. Он также показал, как стремление ряда историков к углубленному изучению теоретических работ В.И. Ленина позволило советским ученым поставить и начать разработку ряда новых проблем истории СССР.

Л.А. Сидорова в монографии «Оттепель в исторической науке: советская историческая наука первого послесталинского десятилетия» попыталась проана-

лизировать идеологический климат, в котором работали во время «оттепели» советские историки. В центре исследования – проблема взаимоотношений историков с государственными и партийными органами. Автор отметила, что годы между XX и XXII съездами КПСС были временем, когда границы «санкционированной свободы науки» были достаточно подвижными. И именно в этот период возродилось «стремление к научности в исследованиях», что и было «высшим достижением тех лет» [7, с. 4]. В то же время Л.А. Сидорова так и не показала, что она понимает под термином «научность».

Отметив, что «сущность бытия» советской исторической науки в период «оттепели» «складывалась под влиянием различных, очень противоречивых, а порою трудно уловимых тенденций, проявлявшихся не только в форме «строгих исторических фактов», но чаще в общественном настроении эпохи», Л.А. Сидорова пишет: «Историческая наука в годы оттепели развивалась под знаком переходного состояния идеологии Коммунистической партии. Критика культа личности, осмысление новых тенденций развития страны и послевоенного мира дестабилизировали сталинскую систему партийной идеологии, открыв возможность проявления несанкционированных ею общественных взглядов» [7, с. 218]. Однако исследовательница так до конца и не оценила изменений, произошедших в отношениях партийно-государственного аппарата с советскими историками в первое десятилетие после смерти И.В. Сталина. Эти изменения носили значительный характер, так как жесткий диктат со стороны государства сменился диалогом.

Состояние и развитие советской историографии в 1960–1970-е гг. рассматриваются в статьях А.В. Юдельсона, выводы которого в большей степени спорные. В частности, анализируя работы М.А. Барга, М.Я. Гефтера, Е.Г. Плимака, И.Ф. Гиндина, Л.Н. Суворова, Б.В. Емельянова, А.П. Пронштейна, он приходит к выводу, что в них содержался ряд положений, которые противоречили «убежденности в том, что марксизм открыл законы движения общества, и вооруженная его методологией историческая наука способна точно выявлять и оценивать тенденции развития общества в прошлом и исходя из этого прогнозировать будущее...». Теоретические поиски рассматриваемого периода «так или иначе затронули все важнейшие составляющие официальной концепции объективного, поступательно-однолинейного, закономерного, формационного развития-прогресса общества» [8, с. 163–164]. «В более широкой перспективе..., – признает Юдельсон, – интеллектуальные искания советских историков в основном соответствовали процессам общей проблематизации историко-научного знания, затронувшим в 60-е гг. ряд национальных историографий». Более того, по мнению автора, «было бы чрезмерным упрощением

воспринимать методологический поиск шестидесятников как очередную попытку усовершенствования марксистских подходов; по сути это была попытка синтезировать новый, рациональный образ истории и новое для того времени проблемное видение предмета своего исследования. И только неразрешимость выявленных в традиционном, материалистическом подходе к истории проблем заставила руководство прекратить дальнейшие эксперименты по рационализации историко-научных взглядов и обратиться к привычной их мистификации» [8, с. 164].

Советские историки подошли к постановке тех же кардинальных проблем исторического исследования, которые встали и перед историками других стран. Попытка разрешить их не удалась, хотя и подвела советских историков к необходимости пересмотра теоретико-методологических основ их науки. Признавая, что хотя трудно «оценить степень влияния процессов рационализации советского историко-научного знания на научную корпорацию», Юдельсон тем не менее делает категорический вывод: «...Ясно лишь, что оно было незначительным» [8, с. 164–165].

По его мнению, «единственным открытым теоретическим вопросом, касавшимся предмета истории, был следующий: изучает ли история все прошлое общества или же только закономерности его развития? Существенных разногласий здесь быть не могло, поскольку важный для марксистов принцип историзма требовал рассматривать всякое явление как закономерный процесс, что практически нивелировало различие между законом и событием» [27, с. 165]. В результате складывается не вполне понятная ситуация: почему принцип историзма автор неразрывно связывает с марксизмом или, точнее говоря, только с марксизмом. Как нам представляется, этот принцип является универсальным и его разделяют исследователи всех направлений [25].

В другой своей статье А.В. Юдельсон поднимает вопрос о характере развития отечественной исторической науки и о факторах, оказавших влияние на это развитие. Он отмечает еще одно существенное отличие «в процессе поиска и обоснования нового образа исторической науки» в России, состоявшее в том, что роль отечественных историков в этом процессе «была в значительной степени вынужденной, поскольку им приходилось реагировать на внешнее для науки социально-политическое давление» [9, с. 140–141]. Выделяя эту специфику, автор подчеркивает, что «тип реакции историков на внешнее давление характеризует в большей степени саму корпорацию отечественных историков, чем это внешнее давление». Говорить о типе реакции, по мнению Юдельсона, «позволяют некоторые черты историографического поиска, стабильно проявляющиеся во время трансформаций исторической науки» [9, с. 141–142].

Отличительную черту российской науки Юдельсон видит в том, что «поиск «нового» идеала науки велся историками прежде всего вне сформированной научной корпорации... При этом историков интересовала не столько возможность творческого развития их взглядов (подобные попытки, как правило, осуждались и осуждаются), сколько возможность апеллировать к признанным вне и внутри науки авторитетам». В 1920-е и 1960-е гг. такими авторитетами были классики марксизма-ленинизма и партия, в 1980-е гг. русские дореволюционные и зарубежные обществоведы [9, с. 141–142].

Юдельсон делает вывод, что «попытки перейти в постсовременность своей науки являются реакцией не только на внешнее давление, но и на проявляющееся время от времени многообразие в историографических подходах, вызванное невозможностью решать разные, в том числе диктуемые извне, задачи с позиций единственного идеала науки. Поэтому случившиеся в отечественной историографии «проводы» нового времени, по-видимому, означали не смену «парадигм», а нахождение новой формы для давно устаревших взглядов» [28, с. 142].

Таким образом, А.В. Юдельсон наделяет не только советскую, но и российскую дореволюционную и постсоветскую историографию врожденным неприятием всего нового, что зарождается и развивается в зарубежной историографии. В законченном виде эта точка зрения представлена в сборнике статей «Советская историография», опубликованным в 1996 г. Российским государственным гуманитарным университетом. В 1998 г. на работу Юдельсона в журнале «Вопросы истории» была опубликована рецензия Н.В. Блинова, который относит авторов сборника к «радикально-критическому» направлению современной российской историографии [20, с. 156]. Дальнейшее развитие эта точка зрения получила в сборнике «Образы историографии», который вышел в 2001 г. Авторы указанных сборников объединяет отрицательный ответ на вопрос, «была ли советская историография по своим теоретико-методологическим средствам познания, по концептуальным разработкам, по месту и роли в общественно-политической практике наукой?».

Редактором сборника является Ю.Н. Афанасьев, который определяет советскую историографию «как научно-политический феномен, гармонично вписанный в систему тоталитарного государства и приспособленный к обслуживанию его идейно-политических потребностей» [10, с. 32–37]. Контроль над деятельностью историков со стороны институтов АН и органов госбезопасности привел к тому, что «советскую историографию, как своеобразный феномен, характеризуют сращивание с политикой и идеологией и превращение в органическую составную часть тоталитарной системы» [10, с. 30]. Подытоживая сказан-

ное Афанасьевым, Н.В. Блинов заключает: «Превращение науки в составную часть политической системы означало ее уничтожение» [20, с. 157].

Ю.Н. Афанасьевым были выделены следующие подходы к анализу и оценкам советской историографической традиции, которые реализуются и в настоящий момент. Исследователь пишет: «Согласно одному из них советская историография на протяжении семидесяти лет развивалась по восходящей. Опираясь на марксистские идеи, она смогла якобы успешно избежать кризиса, в котором оказалась мировая историческая мысль на рубеже XIX–XX вв., самоутвердилась как наиболее передовое научное направление и последовательно решала крупнейшие теоретические, методологические и конкретно-исторические проблемы. Опыт и достижения отечественной историографии получили признание и поддержку у многих передовых представителей зарубежных исторических школ. Правда, сторонники данной точки зрения допускают, что поступательный процесс развития не был избавлен на отдельных этапах и от недостатков.

Для приверженцев данной версии является характерным резкое противопоставление ленинского (1920-е гг.) и сталинского периодов в развитии науки, подчеркивание особого значения решений XX съезда КПСС и сожаление, что критика воздействия культа личности на историческую науку не была максимально последовательной.

Для другого подхода характерно признание необходимости дифференцированного отношения к советской историографии. Сложилась и определенные варианты подобной дифференциации. Например, негативные проявления в разной степени затронули различные отрасли исторической науки, в частности отмечается, что многие беды исторической науки советского периода проистекали из прежнего засилья историков партии и их привилегированного положения, в то время как другие направления, особенно связанные с изучением проблематики дооктябрьского периода, развивались достаточно эффективно и плодотворно. Кроме того, в каждом конкретном случае надо учитывать, что в исторических исследованиях искажено, деформировано, а что и по сей день отвечает строгим критериям научности. На деле же часто все сводится к оценкам историографической практики по принципу «с одной стороны – с другой стороны».

Наконец, можно выделить и более радикальный подход к развитию историографии в советской России, в рамках которого ставится вопрос, в какой мере историография отвечала (и отвечала ли вообще) требованиям научности, имея в виду не только современные представления о науке, но и представления 20–70-х гг.

Исследование советской исторической науки как феномена предполагает ее постижение в двух разных (хотя и взаимосвязанных) измерениях. Пер-

вое – место, роль и основные функции исторической науки в советском обществе. Такое измерение можно определить как внешнее по отношению к историографии. Здесь первостепенными оказываются проблемы соприкосновений, взаимообусловленности двух сущностей – науки и общества и взаимоотношений между ними. Второе измерение – внутренняя жизнь и состояние самой науки, ее структура, правила, предпочтения, тематика, методики, стиль.

Боязнь самостоятельных выводов и оценок сопровождалась часто искренним чувством вины перед партией, причем ощущение характера «проступка» всякий раз определялось содержанием тех указаний, которые имелись в партийных документах.

Количество вариаций в отношении марксизма как общей и единственной методологии было чрезвычайно ограничено. Фактически в трудах по истории речь могла идти только о том, что значит решать ту или иную проблему по-марксистски. При этом, начиная с 20-х и до конца 50-х гг. прошлого столетия теоретические подходы к решению частных исследовательских проблем сводились по сути к подбору необходимых цитат из произведений основоположников и классиков марксистского учения или из партийных документов, а вся практическая исследовательская работа ограничивалась поиском конкретных фактов для иллюстрации соответствующих положений. Эта особенность уже объяснялась в советской историографии воздействием на науку жесткого схематизма, заданного «Кратким курсом».

Период со второй половины 50-х до начала 70-х гг. официально был объявлен как время восстановления «ленинской концепции» исторического процесса, как избавление истории от сталинских ошибок и извращений. По существу, в эти десятилетия происходила модернизация сталинских идей, их очищение от особенно одиозных формулировок. Наиболее наглядными в этом отношении стали издания учебника по истории КПСС под редакцией Б.Н. Пономарева. В последних изданиях практически в полной мере была восстановлена модель «Краткого курса» и в содержании, и в характере интерпретации основных проблем советской истории.

Во второй половине 70-х гг. в очередной раз стало ясно, что историческая наука вращается в кругу традиционных представлений, на основе которых невозможно осмыслить и истолковать отдаленное и недавнее прошлое. Не случайно поэтому даже в самых консервативных кругах историков партии разворачивается обсуждение методологических проблем историко-партийной науки [10, с. 7–9].

Ю.Н. Афанасьев приходит к следующему выводу: «Теоретическая и методологическая скудость историографии стала причиной того, что в исторических исследованиях не допускались относительность, вариативность, вероятность. Такие вполне естествен-

ные элементы любого научного процесса рассматривались как недостатки и, больше того, как следствие политических ошибок в результате отступления от марксизма-ленинизма и проведения чуждой, буржуазной точки зрения» [10, с. 35].

Вышеприведенное положение развивает и Н.В. Иллерицкая, которая, отрицательно характеризуя советскую историографию 1960–1970-х гг., подчеркивает: «Многие ученые уже тогда прекрасно сознавали, что занимаются мифотворчеством в угоду идеологии, ничего общего с наукой не имеющим, но процесс загнивания науки зашел слишком далеко» [11, с. 186]. Неизбежный разрыв советской историографии с наукой она усматривает в самом марксистском методе. «Большевики выдвинули в числе первоочередных задачу – ввести марксизм в историческую науку, задачу весьма трудную, если учесть, что понятие «наука» и «марксистская методология» по своей сути несовместимы», – утверждает она [11, с. 162]. Подобную точку зрения разделяет и А.А. Искендеров, по мнению которого «марксизм, по существу, вывел историю за пределы науки, превратил ее в составную часть партийной пропаганды» [21, с. 8].

Еще в период перестройки В.А. Козловым выделена характерная черта советской историографии – «цитатная методология» [22, с. 110].

Сторонником данной точки зрения является также и А.Я. Гуревич, который пишет: «Фанатичная... приверженность одной-единственной теории общественного развития и отвержение с порога всех возможных подходов ведут, независимо от научных качеств этой теории, к предельному сужению мыслительного горизонта. Сектантски отгородившись от зарубежных историков идеологическими и политическими барьерами, предпочитая профессиональной дискуссии одностороннюю и огульную «критику буржуазной историографии», наши историки неизбежно обрекли себя на отсталость и научный провинциализм» [23, с. 5].

Противоречивый характер оценок присутствует в статье А.Н. Сахарова. Это касается прежде всего характеристики методологических основ советской исторической науки. Отметив, что «в 50–60-х гг. в профессиональной исторической среде стали преобладать благонамеренные научные сессии», а «идеология продолжала закостеневать, из марксизма уходило все живое, творческое», автор заключает: «Наследие основоположников марксизма в ходе бесконечной борьбы за него было, наконец, освоено так, как это понимал устоявшийся в 60-е – начале 80-х гг. режим». В результате «возникла стройная система исторических представлений. Она стала канонической... Историческая наука создала довольно странное для всего мира, но вполне закономерное для своей страны видение исторического пути, весьма далекого от реальности. И та же наука добилась впечатляющих успехов

на пути исследования ряда конкретно-исторических проблем отечественной истории. Но такова была наша жизнь и такова была наша историческая наука» [24, с. 153, 159].

Против огульной критики советской историографии выступили те историки, которые вслед за Н.Л. Рубинштейном признают «движение исторической науки». При этом речь идет о науке, которая прошла в своем поступательном развитии ряд этапов [25, с. 5]. В.И. Кузищин выделил в истории отечественной исторической науки в советские годы «несколько кризисных узлов, которые определяли ее движение: начало 30-х гг. – восстановление системы исторического образования и исторического исследования; середина 50-х гг. – пересмотр догматов, связанных с культом личности; рубеж 70–80-х гг. – новый взгляд на природу социально-экономических формаций». При этом он отмечал, что «состояние историографии на рубеже 80–90-х гг. принципиально отличается от всех предшествующих. Но было бы некорректным изображать состояние марксистской профессиональной историографии как исключительно болотно-застойное, а не пережившее ряд циклов внутреннего развития» [26, с. 81].

Выступая в 1992 г. на заседании президиума РАН и признавая кризис отечественной исторической науки, И.Д. Ковальченко предостерегал против только отрицательной оценки ее развития. «У нас, – писал он, – имеется научный потенциал, опираясь на который можно двигаться дальше. Иначе разговор о перспективах науки не имел бы смысла» [27, с. 51].

Полемизируя с подобной точкой зрения, А. Логунов указывает: «Значительную, если не большую часть современных историков объединяет историографическая позиция, основанная на том, что феномена советской историографии не было совсем. Они предпочитают вести речь о развитии исторической науки в советские годы. Такая позиция, естественно, не исключает ни признания того, что эта наука развивалась на базе марксистской идеологии со своими достоинствами и недостатками (идеальных теоретических концепций, способных давать безукоризненные ответы на все вопросы, нет), ни признания того, что данному периоду (этапу) могли быть присущи и серьезные недостатки, от которых необходимо и должно избавляться. Отсюда и явно выраженный тезис о преемственности в развитии современного этапа и прошлого, и поиск того «золотого фонда» исторических работ, созданных советскими историками, без которых немислимо развитие не только отечественной, но и мировой историографии» [28, с. 19].

Приведя высказывания В.Б. Кобринина, В.И. Буганова, И.Д. Ковальченко, которые рисуют «удручающую картину страданий советских историков», Логунов подчеркивает: «Чем больше, однако, акцентируется внимание на деформирующем воздействии той среды, в которой находилась отечественная историческая наука, тем сильнее звучит тезис о ее созидательном, творческом потенциале, ее вкладе в мировой историографический процесс. В соответствии с этими установками ставится задача сохранения и развития советской историографической традиции (при избавлении ее от всех негативных наслоений, порожденных преимущественно не внутренними, а внешними причинами), а не преодоления ее, на чем настаивали и продолжают настаивать некоторые историки» [28, с. 20].

Приведенные мнения подталкивают на наличие определенного противоречия в позициях Афанасьева и Логунова. Так, первый, называя советскую историческую науку «репрессированной», приводит пример гибели историка Н.Н. Ванага за «высказанное слово», которое «рассматривалось как свершенное деяние» [10, с. 28–30], т.е. говорит о тех самых страданиях, по поводу которых иронизирует Логунов. С иронией автор говорит и о работах современных исследователей, в «которых звучит тезис о... созидательном, творческом потенциале (советской историографии), ее вкладе в мировой историографический процесс».

Можно констатировать, что, начиная с 1917 по 1991 г. в России существовал общественно-политический строй с соответствующей ему идеологией. В рамках этой официальной идеологии, объявленной «научной», возникла и просуществовала советская историография. Условия ее существования, ее место и роль в обществе были достаточно жестко регламентированы. Кроме того, она находилась под тотальным контролем со стороны государственных и партийных органов. Обществоведы, в том числе и историки, были призваны выполнять те задачи, которые ставила перед ними правящая партия. Исторические работы, созданные ими, были разного научного уровня и качества. В профессиональном отношении советская историческая наука была не столь ущербной, или «провинциальной», как пишет А.Я. Гуревич. Можно задать вполне правомерным вопросом: откуда в годы перестройки и после 1991 г. появились в один момент исследователи, которые начали публиковать работы на уровне мировых научных стандартов и которые профессионально могут оценить все новейшие тенденции и направления западной историографии в области теории и методологии исторических исследований?!

Библиографический список

1. Вандалковская, М.Г. Либерализм и концепция русской истории / М.Г. Вандалковская // Россия в XX веке: историки мира спорят / отв. ред. И.Д. Ковальченко. – М., 1994.
2. Алексеева, Г.Д. Историческая наука России в поисках новых исторических концепций / Г.Д. Алексеева // Россия в XX веке: историки мира спорят / отв. ред. И.Д. Ковальченко. – М., 1994.
3. Россия, 1917 год: выбор исторического пути. – М., 1989.
4. Алаторцева, А.И. Советская историческая наука на переломе 20–30-х годов / А.И. Алаторцева // История и сталинизм / сост. А.Н. Мерцалов. – М., 1991.
5. Барсенков, А.С. Советская историческая наука в послевоенные годы (1945–1955) / А.С. Барсенков. – М., 1988.
6. Герасименко, Г.А. О взаимоотношении тоталитаризма и исторической науки в СССР / Г.А. Герасименко // Россия в XX веке: историки мира спорят / отв. ред. И.Д. Ковальченко. – М., 1994.
7. Сидорова, Л.А. Оттепель в исторической науке: советская историческая наука первого послесталинского десятилетия / Л.А. Сидорова. – М., 1997.
8. Юдельсон, А. Методологический поиск советских историков в 1960-е гг.: к вопросу об «оттаявшем» во время историографической «оттепели» / А. Юдельсон // Образы историографии. – М., 2001.
9. Юдельсон, А.В. Преодолевая «новое время»: российская историческая наука в поисках новой идентичности / А.В. Юдельсон // Россия в новое время: единство и многообразие в историческом развитии: материалы Российской межвуз. науч. конф. 28–29 апреля 2000 г. – М., 2000.
10. Афанасьев, Ю.Н. Феномен советской историографии / Ю.Н. Афанасьев // Советская историография / под ред. Ю.Н. Афанасьева. – М., 1996.
11. Иллерицкая, Н.В. Становление советской историографической традиции: наука, не обретшая лица / Н.В. Иллерицкая // Советская историография / под ред. Ю.Н. Афанасьева. – М., 1996.
12. Поликарпов, В.В. «Новое направление» 50–70-х гг.: последняя дискуссия советских историков / В.В. Поликарпов // Советская историография / под ред. Ю.Н. Афанасьева. – М., 1996.
13. Мерцалов, А.Н. Сталинизм и освещение прошлого / А.Н. Мерцалов // История и сталинизм / сост. А.Н. Мерцалов. – М., 1991.
14. Волобуев, О. История по-сталински / О. Волобуев, С. Кулешов // Суровая драма народа: ученые и публицисты о природе сталинизма. – М., 1989.
15. Савин, В.А. Из истории создания и функционирования спецхрана в архиве / В.А. Савин, Я.Ю. Виноградова // Отечественные архивы. – 1994. – №1.
16. Бордюгов, Г.А. История и конъюнктура: субъективные заметки об истории советского общества / Г.А. Бордюгов, В.А. Козлов. – М., 1992.
17. Евсеева, Е.Н. О догматизме в историографическом исследовании / Е.Н. Евсеева // Вопросы истории КПСС. – 1989. – №3.
18. Трибцов, Ю.М. Неосновательные претензии на изучение важной темы / Ю.М. Трибцов // Вопросы истории. – 1989. – №2.
19. Смоленский, Н.И. Теория и методология истории: учебное пособие для студентов вузов / Н.И. Смоленский. – М., 2007.
20. Блинов, Н.В. Советская историография / Н.В. Блинов // Вопросы истории. – 1998. – №2.
21. Искендеров, А.А. Историческая наука на пороге XXI века / А.А. Искендеров // Вопросы истории. – 1996. – №4.
22. Козлов, В.А. Историк и перестройка В.А. Козлов // Вопросы истории КПСС. – 1987. – №5.
23. Гуревич, А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов» / А.Я. Гуревич. – М., 1993.
24. Сахаров, А.Н. Дискуссии в советской историографии: убитая душа науки / А.Н. Сахаров // Советская историография / под ред. Ю.Н. Афанасьева. – М., 1996.
25. Рубинштейн, Н.Л. Русская историография: учебное пособие для вузов / Н.Л. Рубинштейн. – М., 1941.
26. Кузищин В.И. Кризис исторической науки: что это такое? / В.И. Кузищин // Актуальные проблемы теории истории: материалы «круглого стола» (12 января 1994 г.) // Вопросы истории. – 1994. – №6.
27. Никифоров, Е.А. Обсуждение работ Отделения истории РАН / Е.А. Никифоров // Новая и новейшая история. – 1993. – №2.
28. Логунов, А. Отечественная историографическая культура: современное состояние и тенденции трансформации / А. Логунов // Образы историографии. – М., 2001.